

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Сказка о Хасане басрийском

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 778-786](#)
[Сказка о Хасане басрийском, ночи 787-795](#)
[Сказка о Хасане басрийском, ночи 796-804](#)
[Сказка о Хасане басрийском, ночи 805-813](#)
[Сказка о Хасане басрийском, ночи 814-822](#)
[Сказка о Хасане басрийском, ночи 823-831](#)

Восемьсот пятая ночь

Когда же настала восемьсот пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Хасан взял оружие, данное ему женщиной из торгующих, у которой он попросил защиты. И Хасан надел его, а потом сел на скамью, и язык его не забывал поминать Аллаха, и стал он просить у Аллаха защиты. И когда он сидел, вдруг появились факелы, фонари и свечи, и пришли женщины–воины, и Хасан встал и смешался с толпой воительниц, и стал как бы одной из них.

А когда приблизился восход зари, воительницы, и Хасан с ними, пошли и пришли к своим шатрам, и Хасан вошел в один из них, и вдруг оказалось, что это шатер его подруги, которую он просил о защите. И когда эта женщина вошла в свой шатер, она сбросила оружие и сняла кольчугу и покрывало, и Хасан сбросил оружие и посмотрел на свою подругу и увидел, что это полуседая старуха с голубыми глазами и большим носом, и было это бедствие из бедствий и самое безобразное создание: с рябым лицом, вылезшими бровями, сломанными зубами, морщинистыми щеками и седыми волосами, и из носу у нее текло, а изо рта лилась слюна. И была она такова, как сказал о подобной ей поэт:

И в складках лица ее запрятаны девять бед,

Являет нам каждая геену ужасную.

С лицом отвратительным и мерзкою сущностью,

Похожа на кабана, губами жующего.

И была эта плешивая уродина, подобная пятнистой змее. И когда старуха увидела Хасана, она удивилась и воскликнула: "Как добрался этот человек до этих земель, на каком корабле он приехал и как остался цел?" Она стала расспрашивать Хасана о его положении, дивясь его прибытию, и Хасан упал к ее ногам и стал тереться об них липом и плакал, пока его не покрыло беспамятство, а очнувшись, он произнес такие стихи:

"Когда же дни даруют снова встречу,

И вслед разлуке будем жить мы вместе?

И снова буду с тою, с кем хочу я,

Упреки кончатся, а дружба вечна.

Когда бы Нил, как слезы мои, струился,

Земель бы не было непрошенных,

Он залил бы Хиджаз, и весь Египет,

И Сирию, и земли все Ирака.

Все потому, что нет тебя, любимой!

Так сжался же и обещай мне встречу!"

А окончив свои стихи, Хасан схватил полу платья старухи и положил ее себе на голову и стал плакать и просить у нее защиты. И когда старуха увидела, как он горит, волнуется, страдает и горюет, ее сердце потянулось к нему, и она взяла его под свою защиту и молвила: "Не бойся совершенно!" А потом она спросила Хасана о его положении, и он рассказал ей о том, что с ним случилось, с начала до конца. И старуха удивилась его рассказу и сказала ему: "Успокой свою душу и успокой свое сердце! Не осталось для тебя страха, и ты достиг того, чего ищешь, и исполнится то, что ты хочешь, если захочет этого Аллах великий".

И Хасан обрадовался сильной радостью. А потом старуха послала за предводителями войска, чтобы они явились (а было это в последний день месяца). И когда они предстали перед ней, она сказала: "Выходите и кликните клич во всем войске, чтобы выступали завтрашний день утром и никто из воинов не оставался сзади, а если кто-нибудь останется, его душа пропала". И предводители сказали: "Слушаем и повинемся!" И затем они вышли и кликнули клич во всем войске, чтобы выступать завтрашний день утром, и вернулись и осведомили об этом старуху. И понял тогда Хасан, что она и есть предводительница войска и что ей принадлежит решение и она поставлена над ними начальником. И потом Хасан не скидывал с тела оружия и доспехов весь этот день.

А имя старухи, у которой находился Хасан, было Шавахи, и прозвали ее Умм–ад–Давахи. И эта старуха не кончила приказывать и запрещать, пока не взошла заря, и все войско тронулось с места, – а старуха не выступила с ним. И когда воины ушли и их места стали пустыми, Шавахи сказала Хасану: "Подойди ко мне ближе, о дитя мое!" И Хасан приблизился к ней и стал перед нею, и она обратилась к нему и сказала: "По какой причине ты подверг себя опасности и вступил в эту страну? Как согласилась твоя душа погибнуть? Расскажи мне правду обо всех твоих делах, не скрывай от меня ничего из них и не бойся. Ты теперь под моим покровительством, и я защитила тебя и пожалела и сжалилась над твоим положением. Если ты расскажешь мне правду, я помогу тебе исполнить твое желание, хотя бы пропали из–за этого души и погибли тела. И раз ты ко мне прибыл, нет во мне на тебя гнева, и я не дам проникнуть к тебе со злом никому из тех, кто есть на островах Вак".

И Хасан рассказал старухе свою историю от начала до конца и осведомил ее о деле своей жены и о птицах, и как он ее поймал среди остальных десяти и женился на ней и жил с нею, пока не досталось ему от нее двоих сыновей, и как она взяла своих детей и улетела, когда узнала дорогу к одежде из перьев. И он не скрыл в своем рассказе ничего, с начала и до того дня, который был сейчас.

И старуха, услышав его слова, покачала головой и сказала: "Хвала Аллаху, который сохранил тебя и привел сюда и бросил ко мне! Если бы ты попал к другому, твоя душа пропала бы и твое дело не было бы исполнено. Но искренность твоих намерений и любовь и крайнее

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

влечение твое к жене и детям – вот что привело тебя к достижению желаемого. Если бы ты не любил ее и не был взволнован любовью к ней, ты бы не подверг себя такой опасности. Хвала Аллаху за твое спасение, и теперь нам надлежит помочь тебе в том, чего ты добиваешься, чтобы ты вскоре достиг желаемого, если захочет великий Аллах. Но только знай, о дитя мое, что твоя жена на седьмом острове из островов Вак, и расстояние между нами и ею – семь месяцев пути, ночью и днем. Мы поедем отсюда и доедем до земли, которая называется Земля Птиц, и от громкого птичьего крика и хлопанья крыльев одна птица не слышит там голоса другой..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестая ночь

Когда же настала восемьсот шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха сказала Хасану: "Твоя жена на седьмом острове, а это большой остров среди островов Вак, и расстояние от нас до него семь месяцев пути. Мы поедем отсюда до Земли Птиц, где от шума и хлопанья крыльев одна птица не слышит голоса другой, и поедем по этой земле одиннадцать дней, днем и ночью, а потом мы выедем оттуда в землю, которая называется Землей Зверей, и от рева животных, гиен и зверей, воя волков и рычания львов мы не будем ничего слышать. Мы проедем по этой земле двадцать дней и потом выедем в землю, которая называется Землей Джиннов, и великие крики джиннов и взлет их огней и полет искр и дыма из их ртов и их глубокие вздохи и дерзость их закроет перед нами дорогу, оглушит нам уши и ослепит нам глаза, так что мы не будем ни слышать, ни видеть. И не сможет ни один из нас обернуться назад – он погибнет. И всадник кладет в этом месте голову на луку седла и не поднимает ее три дня. А после этого нам встретится большая гора и текучая река, которые доходят до островов Вак. И знай, о дитя мое, что все эти воины – невинные девы, и царь, правящий нами, женщина с семи островов Вак. А протяжение этих семи островов – целый год пути для всадника, спешащего в беге. И на берегу этой реки и другая гора, называемая горой Вак, а это слово название дерева, ветви которого похожи на головы сынов Адама. Когда над ними восходит солнце, эти головы разом начинают кричать и говорят в своем крике: "Вак! Вак! Слава царю–создателю!" И, услышав их крик, мы узнаем, что солнце вошло. И также, когда солнце заходит, эти головы начинают кричать и тоже говорят в своем крике: "Вак! Вак! Слава царю–создателю!" И мы узнаем, что солнце закатилось. Ни один мужчина не может жить у нас и проникнуть к нам и вступить на нашу землю, и между нами и царицей, которая правит этой землей, расстояние месяца пути по этому берегу. Все подданные, которые живут на этом берегу, подвластны этой царице, и ей подвластны также племена непокорных джиннов и шайтанов. Под ее властью столько колдунов, что число их знает лишь тот, кто их создал. И если ты боишься, я пошлю с тобой того, кто отведет тебя на берег, и приведу того, кто свезет тебя на своем корабле и доставит тебя в твою страну. А если приятно твоему сердцу остаться с нами, я не буду тебе прекословить, и ты будешь у меня, под моим оком, пока не исполнится твое желание, если захочет Аллах великий". – "О госпожа, я больше не расстанусь с тобой, пока не соединюсь с моей женой, или моя душа пропадет", – воскликнул Хасан. И старуха сказала ему: "Это дело легкое! Успокой твое сердце, и ты скоро придешь к желаемому, если захочет Аллах великий. Я непременно осведомлю о тебе царицу, чтобы она была тебе помощницей в исполнении твоего намерения".

И Хасан пожелал старухе блага и поцеловал ей руки и голову и поблагодарил ее за ее поступок и крайнее великодушие, и пошел с нею, размышляя об исходе своего дела и ужасах пребывания на чужбине. И он начал плакать и рыдать и произнес такие стихи:

"Дует ветер с тех мест, где стан моей милой,

И ты видишь, что от любви я безумен.

Ночь сближенья нам кажется светлым утром,

День разлуки нам кажется черной ночью.

И прощанье с возлюбленной – труд мне тяжкий,

И расстаться с любимыми нелегко мне.

На суровость я жалуюсь лишь любимой,

Нет мне в мире приятеля или друга.

И забыть мне нельзя о вас – не утешит

Мое сердце хулящих речь, недостойных.

Бесподобная, страсть моя бесподобна.

Лишена ты подобия, я же – сердца.

Кто желает слыть любящим и боится

Укоризны – достоин тот лишь упрека".

И потом старуха велела бить в барабан отъезда, и войско двинулось, и Хасан пошел со старухой, погруженный в море размышлений и произнося эта стихи, а старуха побуждала его к терпению и утешала его, но Хасан не приходил в себя и не разумел того, что она ему говорила. И они шли до тех пор, пока не достигли первого острова из семи островов, то есть Острова Птиц. И когда они вступили туда, Хасан подумал, что мир перевернулся – так сильны были там крики, – и у него заболела голова, и его разум смутился, и ослепли его глаза, и ему забило уши. И он испугался сильным испугом и убедился в своей смерти и сказал про себя: "Если это Земля Птиц, то какова же будет земля Зверей?"

И когда старуха, называемая Шавахи, увидела, что он в таком состоянии, она стала над ним смеяться и сказала: "О дитя мое, если таково твое состояние на первом острове, то что же с тобой будет, когда ты достигнешь остальных островов?" И Хасан стал молить Аллаха и умолять его, прося у него помощи в том, чем он его испытал, и исполнения его желания. И они ехали до тех пор, пока не пересекли Землю Птиц и не вышли из нее.

И они вошли в Землю Зверей и вышли из нее и вступили в Землю Джиннов. И когда Хасан увидел ее, он испугался и раскаялся, что вступил с ними в эту землю. И затем он попросил помощи у великого Аллаха и пошел с ними дальше, и они вырвались из Землю Джиннов и дошли до реки и остановились под большой вздымающейся горой и разбили свои шатры на берегу реки. И старуха поставила Хасану возле реки скамью из мрамора, украшенную жемчугом, драгоценными камнями и слитками червонного золота, и Хасан сел на нее, и подошли воины, и старуха провела их перед Хасаном, а потом они расставили вокруг Хасана шатры и немного отдохнули и поели и попили и заснули спокойно, так как они достигли своей страны. А Хасан закрывал себе лицо покрывалом, так что из-под него видны были только его глаза.

И вдруг толпа девушек подошла близко к шатру Хасана, и они сняли с себя одежду и вошли в реку, и Хасан стал смотреть, как они моются. И девушки принялись играть и веселиться, не зная, что Хасан смотрит на них, так как они считали его за царевну, и у Хасана натянулась его струна, так как он смотрел на девушек, обнаженных от одежд, и видел у них между бедрами всякие разновидности: мягкое, пухлое, жирное, полное, совершенное, широкое и обильное. И лица их были, как луны, а волосы, точно ночь над днем, так как они были дочерьми царей.

И потом старуха поставила Хасану седалище и посадила его. И когда девушки кончили мыться, они вышли из реки, обнаженные и подобные месяцу в ночь полнолуния. И все войско собралось перед Хасаном, как старуха велела. Может быть, жена Хасана окажется среди

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

них и он ее узнает.

И старуха стала спрашивать его о девушках, проходивших отряд за отрядом, а Хасан говорил: "Нет ее среди этих, о госпожа моя..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот седьмая ночь

Когда те настала восемьсот седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха спрашивала Хасана о девушках, проходивших отряд за отрядом – может быть, он узнает среди них свою жену, – но, всякий раз как она спрашивала его о какомнибудь отряде, Хасан говорил: "Ее нет среди этих, о госпожа моя!"

И потом, после этого, подошла к ним женщина в конце людей, которой прислуживали десять невольниц и тридцать служанок – все высокогрудые девы. И они сняли с себя одежды и вошли с их госпожой в реку, и та стала их дразнить и бросать и погружать в реку и играла с ними таким образом некоторое время, а затем они вышли из реки и сели. И их госпоже подали шелковые полотенца, вышитые золотом, и она взяла их и вытерлась. И затем ей принесли одежды, платья и украшения, сделанные джиннами, и она взяла их и надела и гордо прошла среди воительниц со своими служанками.

И когда Хасан увидел ее, его сердце взлетело, и он воскликнул: "Вот женщина, самая похожая на птицу, которую я видел во дворце моих сестер девушек, и она так же поддразнивала своих приближенных, как эта!" – "О Хасан, это ли твоя жена?" – спросила старуха. И Хасан воскликнул: "Нет, клянусь твоей жизнью, о госпожа, это не моя жена, и я в жизни не видал ее. И среди всех девушек, которых я видел на этих островах, нет подобной моей жене и нет ей равной по стройности, соразмерности, красоте и прелести". – "Опиши мне ее и скажи мне все ее признаки, чтобы они были у меня в уме, – молвила тогда старуха. – Я знаю всякую девушку на островах Вак, так как я надсмотрщица женского войска и управляю им. И если ты мне ее опишешь, я узнаю ее и придумаю тебе хитрость, чтобы ее захватить".

И тогда Хасан сказал старухе: "У моей жены прекрасное лицо и стройный стан, ее щеки овальны и грудь высока; глаза у нее черные и большие, ноги – плотные, зубы белые; язык ее сладостен, и она прекрасна чертами и подобна гибкой ветви. Ее качества – невиданы, и уста румяны, у нее насурмленные глаза и нежные губы, и на правой щеке у нее родинка, и на животе под пупком – метка. Ее лицо светит, как округленная луна, ее стан тонок, а бедра – тяжелы, и слюна ее исцеляет больного, как будто она Каусар или Сельсебиль". – "Прибавь, описывая ее, пояснения, да прибавит тебе Аллах увлечения", – сказала старуха. И Хасан молвил: "У моей Жены лицо прекрасное и щеки овальные и длинная шея; у нее насурмленные глаза, и щеки, как коралл, и рот, точно сердоликов печать, и уста, ярко-сверкающие, при которых не нужно ни чаши, ни кувшина. Она сложена в форме нежности, и меж бедер ее престол халифата, и нет подобной святости в священных местах, как сказал об этом поэт:

Название, нас смутившее,

Из букв известных состоит:

Четыре ты на пять умножь,

И шесть умножь на десять ты".

И потом Хасан заплакал и пропел такую песенку:

"О сердце, когда тебя любимый оставит,

Уйти и сказать, что ты забыло, не вздумай!

Терпенье употреби – врагов похоронишь,

Клянусь, не обманется вовек терпеливый!"

И еще:

"Коль хочешь спастись, – весь век не двигайся с места,

Тоски и отчаянья не знай и гордыни.

Терпи и не радуйся совсем, не печалься,

А если отчаешься, прочти: не разверзли ль".

И старуха склонила на некоторое время голову к земле, а потом она подняла голову к Хасану и воскликнула: "Хвала Аллаху, великому саном! Поистине, я испытана тобою, о Хасан! О, если бы я тебя не знала! Ведь женщина, которую ты описал, – это именно твоя жена, и я узнала ее по приметам. Она старшая дочь царя величайшего, которая правит над всеми островами Вак. Открой же глаза и обдумай свое дело, и если ты спишь, проснись! Тебе никогда нельзя будет ее достигнуть, а если ты ее достигнешь, ты не сможешь получить ее, так как между нею и тобой то же, что между небом и землей. Возвращайся же, дитя мое, поскорее и не обрекай себя на гибель: ты обречешь меня вместе с тобой. Я думаю, что нет для тебя в ней доли. Возвращайся же туда, откуда пришел, чтобы не пропали наши души".

И старуха испугалась за себя и за Хасана, и, услышав слова старухи, он так сильно заплакал, что его покрыло беспмятство. И старуха до тех пор брызгала ему в лицо водой, пока он не очнулся от обморока. И он заплакал и залил слезами свою одежду, от великой тоски и огорчения из-за слов старухи, и отчаялся в жизни и сказал старухе: "О госпожа моя, а как я вернусь, когда я дошел досюда, и не думал я в душе, что ты не в силах помочь достигнуть мне цели, особенно раз ты надсмотрщица войска женщин и управляешь ими". – "Заклинаю тебя Аллахом, о дитя мое, – сказала старуха, – выбери себе девушку из этих девушек, и я дам ее тебе вместо твоей жены, чтобы ты не попал в руки царям. Тогда у меня не останется хитрости, чтобы тебя выручить. Заклинаю тебя Аллахом, послушайся меня и выбери себе одну из этих девушек, но не ту, и возвращайся поскорее невредимым и не заставляй меня глотать твою горечь. Клянусь Аллахом, ты бросил себя в великое бедствие и большую опасность, из которой никто не может тебя выручить!"

И Хасан опустил голову и горько заплакал и произнес такие стихи:

"Хулителям сказал я: "не хулите!"

Ведь лишь для слез глаза мои существуют.

Их слезы переполнили и льются

Вдоль щек моих, а милая сурова.

Оставьте! От любви худеет тело,

Ведь я в любви люблю мое безумье.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Любимые! Все больше к вам стремленье,

Так почему меня не пожалеть вам?

Суровы вы, хоть клятвы и обеты

Я дал, и, дружбу обманув, ушли вы.

В день расставанья, как вы удалились,

Я выпил чашу низости в разлуке.

О сердце, ты в тоске по ним расплавься,

Будь щедрым ты на слезы, мое око!.."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот восьмая ночь

Когда же настала восемьсот восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда старуха сказала Хасану: "Ради Аллаха, о дитя мое, послушайся моих слов и выбери себе одну из этих девушек, вместо твоей жены, и возвращайся скорее в твою страну", – Хасан понурил голову и заплакал сильным плачем и произнес упомянутые стихи, а окончив стихотворение, он так заплакал, что его покрыло беспамятство. И старуха до тех пор брызгала ему в лицо водой, пока он не очнулся от обморока, а затем она обратилась к нему и сказала: "О господин мой, возвращайся в твою страну! Когда я поеду с тобой в город, пропадет твоя душа и моя душа, так как царица, когда она об этом узнает, будет упрекать меня за то, что я вступила с тобою в ее страну и на ее острова, которых не достигал никто из детей сынов Адама. Она убьет меня за то, что я взяла тебя с собой и показала тебе этих дев, которых ты видел в реке, хотя не касался их самец и не приближался к ним муж".

И Хасан поклялся, что он совершенно не смотрел на них дурным взглядом, и старуха сказала ему: "О дитя мое, возвращайся в твою страну, и я дам тебе денег, сокровищ и редкостей столько, что тебе не будут нужны никакие женщины. Послушайся же моих слов и возвращайся скорее, не подвергая себя опасности, и вот я дала тебе совет".

И Хасан, услышав слова старухи, заплакал и стал тереться щеками об ее ноги и воскликнул: "О моя госпожа и владычица и прохлада моего глаза, как я вернусь после того, как дошел до этого места, и не посмотрю на тех, кого желаю?! Я приблизился к жилищу любимой и надеялся на близкую встречу, и, может быть, будет мне доля в сближении!" И потом он произнес такие стихи:

"О цари всех прекрасных, сжальтесь над пленным

Тех очей, что могли б царить в царстве Кисры,

Превзошли вы дух мускуса ароматом

И затмили красоты роз своим блеском,

Где живете, там веет ветер блаженства,

И дыханьем красавицы он пропитан.

О хулитель, довольно слов и советов

Ты явился с советами лишь по злобе.

Ни корить, ни хулить меня не годится

За любовь, коль не знаешь ты, в чем тут дело.

Я пленен был красавицы темным оком,

И любовью повергнут был я насильно.

Рассыпая слезу мою, стих нижу я,

Вот рассказ мой: рассыпан он и нанизан.

Щек румянец расплавил мне мое сердце,

И пылают огнем теперь мои члены.

Расскажите: оставлю коль эти речи,

Так какими расплавлю грудь я речами?

Я красавиц всю жизнь любил, но свершит ведь

Вслед за этим еще Аллах дел не мало".

А когда Хасан окончил свои стихи, старуха сжалилась над ним и пожалела его и, подойдя к нему, стала успокаивать его сердце и сказала: "Успокой душу и прохлади глаза и освободи твои мысли от заботы, клянусь Аллахом, я подвергну с тобою опасности мою душу, чтобы ты достиг того, чего хочешь, или поразит меня гибель". И сердце Хасана успокоилось, и расправилась у него грудь, и он просидел, беседуя со старухой, до конца дня.

И когда пришла ночь, все девушки разошлись, и некоторые пошли в свои дворцы в городе, а некоторые остались на ночь в шатрах. И старуха взяла Хасана с собой и пошла с ним в город и отвела ему помещение для него одного, чтобы никто не вошел к нему и не осведомил о нем царицу, и она не убила бы его и не убила бы того, кто его привел. И старуха стала прислуживать Хасану сама и пугала его яростью величайшего царя, отца его жены. И Хасан плакал перед нею и говорил: "О госпожа, я избрал для себя смерть, и свет мне противен, если я не соединюсь с женой и детьми! Я подвергну себя опасности и либо достигну желаемого, либо умру". И старуха стала раздумывать о том, как бы Хасану сблизиться и сойтись со своей женой и какую придумать хитрость для этого бедняги, который вверг свою душу в погибель, и не удерживает его от его намерения ни страх, ни что–нибудь другое, и он забыл о самом себе, а сказавший поговорку говорит: "Влюбленный не слушает слов свободного от любви".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А царицей острова, на котором они расположились, была старшая дочь царя величайшего и было имя ее Нураль-Худа. И было у этой царицы семь сестер – невинных девушек, и они жили у ее отца, который правил семью островами и областями Вак, и престол этого царя был в городе, самом большом из городов той земли. И вот старуха, видя, что Хасан горит желаньем встретиться со своей женой и детьми, поднялась и отправилась во дворец царицы Нур-аль-Худа и, войдя к ней, поцеловала землю меж ее руками. А у этой старухи была перед нею Заслуга, так как она воспитала всех царских дочерей и имела над всеми ими власть и пользовалась у них почетом и была дорога царю.

И когда старуха вошла к царице Нур-аль-Худа, та поднялась и обняла ее и посадила с собою рядом и спросила, какова была ее поездка, и старуха отвечала ей: "Клянусь Аллахом, о госпожа, это была поездка благословенная, и я захватила для тебя подарок, который доставлю тебе. О дочь моя, о царица века и времени, – сказала она потом, – я привела с собою нечто удивительное и хочу тебе эго показать, чтобы ты помогла мне исполнить одно дело". – "А что это такое?" – спросила царица. И старуха рассказала ей историю Хасана, с начала до конца. И она дрожала как тростинка в день сильного ветра и наконец упала перед царевной и сказала ей: "О госпожа, попросил у меня защиты один человек на берегу, который прятался под скамьей, и я взяла его под защиту и привела его с собою в войске девушек, и он надел оружие, чтобы никто его не узнал, и я привела его в город. – И потом еще сказала царевне: – Я пугала его твоей яростью и осведомила его о твоей силе и мощи. И всякий раз, как я его пугаю, он плачет и произносит стихи и говорит мне: "Неизбежно мне увидеть мою жену и детей, или я умру, и я не вернусь в мою страну без них!" И он подверг себя опасности и пришел на острова Вак, и я в жизни не видела человека, крепче его сердцем и с большей мощью, но только любовь овладела им до крайней степени..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот девятая ночь

Когда же настала восемьсот девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха рассказала царевне Нураль-Худа историю Хасана и сказала ей: "Я не видела человека крепче его сердцем, но только любовь овладела им до крайней степени". И, услышав ее слова и поняв историю Хасана, царица разгневалась сильным гневом и склонила на некоторое время голову к земле, а потом она подняла голову и посмотрела на старуху и сказала ей: "О злосчастная старуха, разве дошла твоя мерзость до того, что ты приводишь мужчин и приходишь с ними на острова Вак и вводишь их ко мне, не боясь моей ярости? Клянусь головой царя, если бы не воспитание и уважение, которым я тебе обязана, я бы убила тебя с ним сейчас же самым скверным убиением, чтобы путешествующие поучались на тебе, о проклятая, и никто бы не делал того ужасного дела, которое сделала ты и на которое никто не властен. Но ступай приведи его сейчас же ко мне, чтобы я на него посмотрела".

И старуха вышла от царевны ошеломленная, не зная, куда идти, и говорила: "Все это несчастье пригнал ко мне Аллах через руки Хасана!" И она шла, пока не вошла к Хасану, и сказала ему: "Вставай, поговори с царицей, о тот, конец чьей жизни приблизился!" И Хасан вышел с нею, и язык его неослабно поминал великого Аллаха и говорил: "О боже, будь ко мне милостив в твоём приговоре и освободи меня от беды!" И старуха шла с ним, пока не поставила его перед царицей Нураль-Худа (а старуха учила Хасана по дороге, как он должен с ней говорить). И, представ перед Нур-аль-Худа, Хасан увидел, что она закрыла лицо покрывалом. И он поцеловал землю меж ее руками и пожелал ей мира и произнес такие два стиха:

"Продли Аллах величье твое и радость,

И одари господь тебя дарами!

Умножь Аллах величье твое и славу

И укрепи тебя в борьбе с врагами!"

А когда он окончил свои стихи, царица сделала старухе знак поговорить с ним перед нею, чтобы она послушала его ответы. И старуха сказала Хасану: "Царица возвращает тебе приветствие и спрашивает тебя: как твое имя, из какой ты страны, как зовут твою жену и детей, из-за которых ты пришел, и как называется твоя страна?" И Хасан ответил (а он укрепил свою душу, и судьбы помогли ему): "О царица годов и времен, единственная в века и столетия! Что до меня, то мое имя – Хасанмногопечальный, и город мой – Басра, а жена моя – имени ей я не знаю; что же до моих детей, то одного зовут Насир, а другого – Мансур". И, услышав слова Хасана, царица сказала ему: "Откуда она увезла своих детей?" И Хасан ответил: "О царица! Из города Багдада, из дворца халифа". – "А говорила она вам что-нибудь, когда улетала?" – спросила царица. И Хасан ответил: "Она сказала моей матушке: "Когда твой сын придет и продлятся над ним дни разлуки, и захочет он близости и встречи, и потрясут его ветры томления, пусть приходит ко мне на острова Вак".

И тогда царица Нур-аль-Худа покачала головой и сказала: "Не желай она тебя, она не сказала бы твоей матери этих слов, и если бы она тебя не хотела и не желала бы близости с тобой, она бы не осведомила тебя, где ее место и не позвала бы тебя в свою страну". – "О госпожа царей и правительница над всеми царями и нищими, – ответил Хасан, – о том, что случилось, я тебе рассказал, ничего от тебя не скрывая. Я прошу защиты у Аллаха и у тебя, чтобы ты меня не обижала. Пожалей же меня и воспользуйся наградой за меня и воздаянием. Помогите мне встретиться с женой и детьми, серии мне предмет моих желаний и прохлады глаза мои встречей с детьми и помогите мне их увидеть".

И он начал плакать, стонать и жаловаться и произнес такие два стиха:

"Тебя буду славить я, пока голубок кричит,

Усиленно, хоть бы не исполнил я должного.

Всегда ведь, когда я жил в былом благоденствии,

Я видел в тебе его причины и корни все".

И царица Нур-аль-Худа склонила голову к земле на долгое время, а потом она подняла голову и сказала Хасану: "Я пожалела тебя и сжалилась над тобой и намерена показать тебе всех девушек в этом городе и в землях моего острова. Если ты узнаешь твою жену, я отдам ее тебе, а если ты ее не узнаешь, я тебя убью и распну на дверях дома старухи". И Хасан молвил: "Я принимаю это от тебя, о царица времени". И он произнес такие стихи:

"Вы подняли страсть во мне, а сами сидите вы,

Вы отняли сон у всех горящих, и спите вы,

Вы мне обещали, что не будете вы тянуть,

Но, повод мой захватив, меня обманули вы.

Любил вас ребенком я, не зная еще любви.

"Не надо же убивать меня?", – я вам жалуюсь.

Ужель, не боясь Аллаха, можете вы убить

Влюбленного, что пасет звезду, когда люди спят?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

О родичи, если я умру, напишите вы

На камнях моей могилы: "Это влюбленный был".

И, может быть, юноша, что страстью, как я, сражен,

Увидя мою могилу, скажет мне: "Мир тебе!"

А окончив свои стихи, Хасан сказал: "Я согласен на условие, которое ты мне поставила, и нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!"

И тогда царица Нур-аль-Худа приказала, чтобы не осталось в городе девушки, которая не поднялась бы во дворец и не прошла бы перед Хасаном, и царица велела старухе Шавахи самой спуститься в город и привести всех бывших в городе девушек к царице во дворец. И царица принялась вводить к Хасану девушек сотню за сотней, так что в городе не осталось девушки, которую она бы не показала Хасану, но Хасан не увидел среди них своей жены. И царица спросила его: "Видел ли ты свою жену среди этих?" И Хасан отвечал: "Клянусь Аллахом, о царица, ее среди них нет". И тогда царицу охватил сильный гнев, и она сказала старухе: "Пойди и выведи всех, кто есть во дворце, и покажи их ему".

И когда Хасану показали всех, кто был во дворце, он не увидел среди них своей жены и сказал царице: "Клянусь жизнью твоей головы, о царица, ее среди них нет". И царица рассердилась и закричала на тех, кто был вокруг нее, и сказала: "Возьмите его и утащите по земле лицом вниз и отрубите ему голову, чтобы никто после него не подвергал себя опасности, не узнал о нашем положении, не прошел по нашей стране и не вступал на нашу землю и наши острова!" И Хасана вытащили лицом вниз и накинули на него подол его платья и закрыли ему глаза и остановились подле него с мечами, ожидая разрешения.

И тогда Шавахи подошла к царице и поцеловала землю меж ее рук и, схватившись за полу ее платья, положила ее себе на голову и сказала: "О царица, во имя воспитания, не торопись с ним, особенно раз ты знаешь, что этот бедняк – чужеземец, который подверг свою душу опасности и испытал дела, которых никто до него не испытывал, и Аллах – слава ему и величие! – спас его от смерти из-за его долгой жизни, и он услышал о твоей справедливости и вошел в твою страну и охраняемое убежище. И если ты его убьешь, разойдутся о тебе с путешественниками вести, что ты ненавидишь чужеземцев и убиваешь их. А он, при всех обстоятельствах, под своей властью и будет убит твоим мечом, если не окажется его жены в твоём городе. В какое время ты ни захочешь, чтобы он явился, я могу возвратить его к тебе. И к тому же я взяла его под защиту, только надеясь на твое великодушие, так как ты обязана мне воспитанием, и я поручилась ему, что ты приведешь его к желаемому, ибо я знаю твою справедливость и милосердие, и, если он я не знала в тебе этого, я бы не привела его в твой город. И я говорила про себя: "Царица на него посмотрит и послушает стихи, которые он говорит, и прекрасные, ясные слова, подобные нанизанному жемчугу", Этот человек вошел в наши земли и поел нашей пищи, и соблюдать его право обязательно для нас..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот десятая ночь

Когда же настала восемьсот десятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царица Нур-аль-Худа приказала своим слугам схватить Хасана и отрубить ему голову, старуха стала ее уговаривать и говорила ей: "Этот человек вошел в наши земли и поел нашей пищи, и соблюдать его право для нас обязательно, особенно раз я обещала ему встречу с тобою. Ты ведь знаешь, что разлука тяжела, и знаешь, что разлука убийственна, в особенности – разлука с детьми. У нас не осталось ни одной женщины, кроме тебя; покажи же ему твое лицо".

И царица улыбнулась и сказала: "Откуда ему быть моим мужем и иметь от меня детей, чтобы я показывала ему лицо?" И затем она велела привести Хасана, и его ввели к ней и поставили" перед нею, и тогда она открыла лицо. И, увидев его, Хасан испустил великий крик и упал, покрытый беспамятством. И старуха до тех пор ухаживала за ним, пока он не очнулся, а очнувшись от беспамятства, он произнес такие стихи:

"Ветерочек из Ирака, что подул

В земли тех, кто восклицает громко: "Вак!"

Передай моим возлюбленным, что я

Горький вкус любви моей вкусил давно.

О, смягчитесь, люди страсти, сжальтесь вы.

Тает сердце от разлуки мук мое!"

А окончив свои стихи, он поднялся и посмотрел на царицу и вскрикнул великим криком, от которого дворец чуть не свалился на тех, кто в нем был, и затем упал, покрытый беспамятством.

И старуха до тех пор ухаживала за ним, пока он не очнулся, и спросила его, что с ним, и Хасан воскликнул: "Эта царица – либо моя жена, либо самый похожий на мою жену человек..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот одиннадцатая ночь

Когда же настала восемьсот одиннадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда старуха спросила Хасана, что с ним, он воскликнул: "Эта царица – либо моя жена, либо самый похожий на мою жену человек". И царица сказала: "Гора тебе, о нянюшка, этот чужеземец бесноватый или помешанный, потому что он смотрит мне в лицо и таращит глаза". – "О царица, – сказала старуха, – ему простительно, не взыщи с него. Ведь пословица говорит: "Для больного от любви нет лекарства". Что он, что бесноватый – все равно". А Хасан заплакал сильным плачем и произнес такие два стиха:

"Увидя следы любимых, с тоски я таю

И слезы лью на месте их стоянки,

Прося того, кто нас испытал разлукой,

Чтоб мне послал любимых возвращенье".

И потом Хасан сказал царице: "Клянусь Аллахом, ты не моя жена, но ты самый похожий на нее человек!" И царица Нур-аль-Худа так засмеялась, что упала навзничь и склонилась на бок и сказала: "О любимый, дай себе отсрочку и рассмотри меня и ответь мне на то, о чем я тебя спрошу. Оставь безумие, смущение и смятение, – приблизилось к тебе облегчение". – "О госпожа царей и прибежище всех богатых и нищих, увидав тебя, я стал бесноватым, потому что ты либо моя жена, либо самый похожий на нее человек. А теперь спрашивай меня о чем

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

хочешь", – сказал Хасан. И царица спросила его: "Что в твоей жене на меня похоже?" – "О госпожа моя, – ответил Хасан, – все, что есть в тебе красивого, прекрасного, изящного и изнеженного – стройность твоего стана и нежность твоих речей, румянец твоих щек, и выпуклость груди и все прочее, – на нее похожи".

И царица тогда обратилась к Шавахи, Умм–ад–Давахи, и сказала ей: "О матушка, отведи его обратно на то место, где он у тебя был, и прислуживай ему сама, а я обдумаю его дело. И если он человек благородный и храни г дружбу, приязнь и любовь, нам надлежит помочь ему, особенно потому, что он пришел в нашу землю и ел нашу пищу и перенес тяготы путешествия и борьбу с ужасами опасностей. Но когда ты доставишь его в свой дом, поручи его твоим слугам и возвращайся ко мне поскорее, и если захочет великий Аллах, будет одно только благо". И старуха вышла и взяла Хасана и пошла с ним в свое жилище и велела своим невольницам, слугам и прислужникам ему служить и приказала принести ему все, что ему нужно, не упуская ничего из должного.

А потом она поспешно вернулась к царице, и та велела ей надеть оружие и взять с собой тысячу всадников из доблестных. И старуха Шавахи послушалась ее приказаний и надела свои доспехи и призвала тысячу всадников, и, когда она встала меж руками царицы и сообщила ей о прибытии тысячи всадников, царица велела ей отправиться в город царя величайшего, ее отца, и остановиться у его дочери Манар–ас–Сана, ее младшей сестры, и сказать ей: "Одень твоих детей в рубахи, которые я для них сделала, и пошли их к ее тетке, она стосковалась по ним".

И потом царица сказала старухе: "Я наказываю тебе, о матушка, скрывать дело Хасана, и когда ты возьмешь у нее детей, скажи ей: "Твоя сестра приглашает тебя ее посетить". И она отдаст тебе детей и выедет ко мне, желая меня посетить. Ты возвращайся с ними поскорее, а она пусть едет не торопясь, и иди не по той дороге, по которой поедет она. Пусть твой путь продолжается ночью и днем, и остерегайся, чтобы хоть кто–нибудь один не узнал об этом деле. И затем, я клянусь всеми клятвами, если моя сестра окажется его женой и станет ясно, что ее дети – его дети, я не помешаю ему взять ее и се отъезду с ним и с детьми..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот двенадцатая ночь

Когда же настала восемьсот двенадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царица сказала старухе: "Я клянусь Аллахом и подтверждаю всеми клятвами, что если она окажется его женой, я не помешаю ему ее взять и помогу ему взять ее и уехать с нею в его страну". И старуха поверила ее словам и не знала она, что задумала в душе царица, а эта распутница задумала в душе, что если ее сестра не жена Хасана и ее дети на него не похожи, она убьет его.

И потом царица сказала старухе: "О матушка, если правду говорит мое опасение, его женой окажется моя сестра Манар–ас–Сана, а Аллах знает лучше! Эти качества – ее качества, и все достоинства, которые он упомянул: превосходная красота и дивная прелесть не найдутся ни у кого, кроме моих сестер – в особенности, у младшей".

И старуха поцеловала ей руки и вернулась к Хасану и осведомила его о том, что сказала царица, и у Хасана улетел от радости ум, и он подошел к старухе и поцеловал ее в голову, и она сказала ему: "О дитя мое, не целуй меня в голову, а поцелуй в рот и считай это наградой За благополучие. Успокой душу и прохладя глаза, и пусть твоя грудь будет всегда расправлена, и не брезгай поцеловать меня в рот – я виновница твоей встречи с нею. Успокой же твое сердце и ум, и пусть будет твоя грудь всегда расправлена и глаз прохлажден и душа спокойна". И затем она простилась с ним и ушла, а Хасан произнес такие два стиха:

"Любви моей четыре есть свидетеля

(Во всяком деле свидетелей бывает двое):

Трепет сердца, и в членах дрожь постоянная,

И худоба тела, и уст молчание".

И потом он произнес еще такие два стиха:

"Две вещи есть – коль глаза слезами кровавыми

О них бы заплакали, грозя, что исчезнут,

Десятую часть того, что должно, не дали бы

Те вещи – цвет юности и с милым разлука".

А старуха надела оружие и взяла с собою тысячу всадников и отправилась на тот остров, где находилась сестра царицы, и ехала до тех пор, пока не приехала к сестре царицы, а между городом Нур–аль–Худа и городом ее сестры было три дня пути. И когда Шавахи достигла города, она вошла к сестре царицы, Манар–ас–Сана, и приветствовала ее и передала ей приветствие ее сестры Нур–аль–Худа и рассказала ей, что царица стосковалась по ней и по ее детям, и сообщила ей, что царица Нур–альХуда на нее гневается за то, что она ее не посещает. И царица Манар–ас–Сана ответила: "Право против меня и за мою сестру. И я сделала упущение, не посетив ее, но я посещу ее теперь".

И она велела вынести свои палатки за город и захватила для сестры подходящие подарки и редкости. А царь, ее отец, посмотрел из окна дворца и увидел, что выставлены палатки, и спросил об этом, и ему сказали: "Царевна Манар–ас–Сана поставила свои палатки на этой дороге, потому что она хочет посетить свою сестру Нураль–Худа". И, услышав об этом, царь снарядил для нее войско, чтобы доставить ее к ее сестре, и вынул из своей казны богатства, кушанья, напитки, редкости и драгоценности, для которых бессильны описания. А семь дочерей царя были родные сестры – от одного отца и одной матери, кроме младшей. И старшую звали Нур–альХуда, вторую – Наджм–ас–Сабах, третью – Шамс–ад–Духа, четвертую – Шаджарат–ад–Дурр, пятую – Кут–аль–Кулуб, шестую – Шараф–аль–Банат, и седьмую – Манар–асСана, и это была младшая из сестер и жена Хасана, и была она им сестрой только по отцу.

И потом старуха подошла и поцеловала землю меж рук Манар–ас–Сана, и Манар–ас–Сана спросила ее: "У тебя есть еще просьба, о матушка?" И старуха сказала: "Царица Нур–аль–Худа, твоя сестра, приказывает тебе переодеть твоих детей и одеть их в рубашки, которые она им сшила, и послать их к ней со мною. И я возьму их и поеду с ними вперед и буду вестницей твоего прихода к ней". И когда Манар–ас–Сана услышала слова старухи, она склонила голову к земле, и цвет ее лица изменился, и она просидела понурившись долгое время, а потом покачала головой и подняла ее к старухе и сказала: "О матушка, моя душа встревожилась и затрепетало мое сердце, когда ты упомянула о моих детях. Ведь со времени их рождения никто не видел их лица из джиннов и людей – ни женщины, ни мужчины, и я ревную их к ветерку, когда он пролетает". И старуха воскликнула: "Что это за слова, о госпожа! Или ты боишься для них зла от твоей сестры..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тринадцатая ночь

Когда же настала восемьсот тринадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха сказала госпоже Манар–ас–Сана: "Что это за слова, о госпожа! Разве ты боишься для них зла от твоей сестры? Да сохранит Аллах твой разум! Если ты хочешь послушаться царицы в этом деле, то послушание для тебя невозможно – она будет на тебя гневаться. Но твои дети – маленькие, о госпожа, и тебе простительно за них бояться, и любящий склонен к подозрениям. Но ты знаешь, о дочка, мою заботливость и любовь к тебе и к твоим

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

детям, и я воспитала вас раньше их. Я приму их от тебя и возьму их и постелю для них свои щеки и открою сердце и положу их внутрь его, и мне не нужно наставлений о них в подобном этому деле. Будь же спокойна душою и прохлади глаза и отошли их к ней. Я опережу тебя самое большее на день или на два".

И старуха до тех пор приставала к Манар-ас-Сана, пока ее бок не умягчился, и она побоялась гнева своей сестры и не знала, что скрыто для нее в неведомом. И она согласилась послать детей со старухой и позвала их и выкупала и приготовила и, переодев их, надела на них те рубашки, и отдала их старухе, а та взяла их и помчалась с ними, как птица, не по той дороге, по какой шла их мать, как наказывала ей Нур-аль-Худа. И старуха непрестанно ускоряла ход, боясь за детей, пока не приехала с ними в город царицы Нур-аль-Худа, и она переправилась с ними через реку и вошла в город и пошла с детьми к царице Нур-аль-Худа, их тетке.

И, увидев детей, царица обрадовалась и обняла их и прижала к груди и посадила одного мальчика на правую ногу, а другого – на левую ногу, а потом она обратилась к старухе и сказала ей: "Приведи теперь Хасана! Я дала ему покровительство и защитила его от моего меча. Он укрепился в моем доме и поселился со мною в соседстве после того, как перенес страхи и бедствия и пришел путями смерти, ужасы которых все возражали. Но при этом он до сих пор не спасен от испытания смертной чаши..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.